

2. Структурный кризис

Все страны, вошедшие в стадию индустриального общества, рано или поздно обречены пережить кризис этой социальной системы, связанный с накоплением ее издержек. Легкость преодоления этого кризиса зависит от способности системы изменяться, от ее гибкости и открытости.

По мнению С.Забелина «система “СССР” не отстала, а обогнала так называемый цивилизованный мир, оказавшись первой индустриально развитой страной, пережившей предсказанный экспертами Римского клуба кризис пределов роста во всем многообразии его аспектов. Поэтому искать средства выхода из кризиса в прошлом или на “западе” изначально бессмысленно, поскольку подобного раньше с индустриально развитыми странами не случилось... Кризис СССР неправильно понят как поражение одной из управленческих систем (социализм) в соревновании с другой управлен-

ческой системой (капитализм), а не как поражение самого способа природопользования (включая использование человеческих ресурсов), присущего нашей цивилизации»². Солидаризируясь с этим выводом, необходимо сделать дополнение: кризис пределов роста — составляющая и возможный детонатор системного кризиса индустриального общества. Хрупкость индустриальной системы, ее отчуждение как от природы, так и от человека как личности, позволяют ей динамично развиваться (обеспечивать экономический «рост») либо за счет постоянного притока ресурсов, либо за счет роста эффективности их использования. Рост эффективности, как правило, запаздывает по отношению к потребностям системы, тем более, что «материальная» эффективность часто обеспечивается за счет более интенсивной эксплуатации человеческих ресурсов, что снижает совокупную эффективность. В рамках индустриальной модели развития рост эффективности сопровождается ростом специализации и психологической нагрузки на большинство занятых на производстве людей, их дополнительной инструментализации, что приводит к дополнительному отчуждению от человеческой сущности, предполагающей многогранность и творчество. Это может привести к психологическим срывам (локальные проявления пределов роста в ситуациях, когда пределов роста «материальных» ресурсов не наблюдается). Таким образом, индустриальная система в силу таких своих черт, как узкая специализация и иерархизация производства, связанное с этим отчуждение как от природной среды, так и от человеческой сущности, монополизм и бюрократизация (не только на государственном, но и на корпоративном уровне) постоянно сталкивается с различными пределами роста. Но, обладая значительной гибкостью, западные модели индустриального общества могли преодолевать пределы в одних сферах за счет других и продуцировать возникновение альтернативных индустриализму отношений. Так, в 60-е гг. XX в. Запад столкнулся с серьезным кризисом индустриального общества, детонатором которого было как раз сопротивление «человеческого материала». Западная элита пошла на некоторые уступки обществу, немного снизив масштабы отчуждения и авторитаризма. Снижение отчуждения привело к тому, что в обществе более заметную роль стали играть альтернативные индустриализму отношения, основанные на самоуправлении общественных структур и личности в них, на самоорганизации труда. Это повысило порог прочности индустриальной системы и позволило эффективно преодолеть сырьевой кризис 1973—1975 гг., также прибегнув к нехарактерным для индустриализма (постиндустриальным) возможностям роста эффективности (например, децентрализация энергоснабжения для перехода к «даровым» видам энергетики). Преодолев системный кризис индустриального общества «по частям», Запад, конечно, опередил СССР. Но относительно безболезненное преодоление кризиса индустриального общества на Западе привело к тому, что эта форма индустриализма («государственно-монополистический капитализм») не претерпела качественных изменений и смогла интегрировать постиндустриальные формы и отношения. В результате, логика индустриального общества продолжает доминировать, что после установления гегемонии Запада в мире

может привести на этот раз к глобальному кризису. В этом отношении можно говорить о том, что СССР обогнал если не Запад, то мир в целом. В силу того, что СССР представлял собой крайнюю форму индустриального общества, где перечисленные выше черты были максимизированы, а сама система отличалась негибкостью, он первым в истории столкнулся с синхронизированным пределом эксплуатации как человеческих, так и природных ресурсов, и пережил всеобъемлющий кризис индустриального общества.

Главная причина этого заключается в том, что политическая, социальная и экономическая структуры СССР создавались как сверхгосударственные и сверхцентрализованные, монополизм власти стремился к абсолютному, монополизм экономики носил технологический характер, монополизм в культуре и информации проникал во все общественные сферы. Крайний этатизм и монополизм общественной структуры СССР делали ее чрезвычайно хрупкой, но до известного предела вполне прочной. В то же время начиная с 50-х гг. росла автономия социальных и экономических субъектов во всех общественных сферах СССР. Этот неизбежный процесс сопровождался рассогласованиями в системе, так как автономизация различных социальных структур происходила с разной скоростью. В результате возникла специфическая система общественных отношений со своеобразным механизмом согласования политических и экономических интересов, стабилизации социальных противоречий и т.д. Эта система, основанная на синтезе бюрократических, рыночных и общинно-корпоративных механизмов, до поры обеспечивала экономический рост и социальную стабильность. В ее недрах происходило обособление социальных интересов основных социальных слоев: центральной олигархии, отраслевой и региональной бюрократии, директората (в том числе теневого), специалистов (интеллигенции), рабочих, колхозных крестьян, маргинальных групп. Такая ситуация довольно типична для предкризисного периода в развитии позднеиндустриального общества.

В то же время постепенное накопление кризисных явлений в недрах системы не могло компенсироваться гибкостью, существующей в более плюралистичных обществах. Структурные формы развитого индустриализма, пороки которого были доведены в СССР с его последовательно этатистской моделью до максимума, не только наносили нарастающий ущерб природе страны, но и не позволяли преодолеть рубеж научно-технической революции и перейти к широкомасштабному производству технологий постиндустриального (информационного) общества. Это определяло постепенное, но неуклонное отставание СССР в международном соревновании, от итогов которого зависели не только позиции Союза как сверхдержавы, но и социальное благосостояние и безопасность его населения. Более того, усиливалась технологическая деградация экономики, чреватая опасностью крупных катастроф.

Стремление к сохранению социальной стабильности, резкое падение социальной мобильности в сверхмонопольной системе неминуемо вели к падению экономических стимулов и постепенному затуханию экономическо-

го роста. Это, в свою очередь, привело к заметному ухудшению условий жизни и повышению социальной напряженности. Паралич социальной мобильности обострял также этно-демографический кризис и проблему поколений.

Имперская структура СССР, кризис монополярной идеологии в результате роста уровня культуры, характерного для этой стадии развития общества, внешнеполитические трудности и замедление темпов экономического развития привели к кризису национального самосознания, опасным этнодемографическим диспропорциям и напряжениям, общему росту недовольства по поводу широкого круга проблем от социальных до экологических. Присутствие в составе СССР народов, находящихся на более ранних стадиях развития, чем большинство населения, угрожало ростом радикальных национальных движений.

Сочетание таких факторов, как хрупкость и прочность системы обрекали на неудачу попытку авторитарной модернизации 1979—1986 гг. Значение этих реформ определяется не столько замыслами авторов, сколько самим дестабилизирующим воздействием на систему. Наконец, в 1985 г. реформы настолько «раскачали лодку» режима, что процесс преобразований стал приобретать экономически необратимый характер. После этого социальное содержание реформ и связанные с ним политические альтернативы стали иметь принципиальное значение. В этом отношении Андропов является предтечей Перестройки независимо от конкретного содержания его реформ. Горбачев, в свою очередь, является последователем Андропова, вынужденно отказавшегося от изжившего себя наследия авторитарной модернизации, неоправдавшей себя в условиях СССР.

Все это делало обстановку более взрывоопасной, чем в других странах на этой стадии развития. Это стало одним из главных факторов, определивших всеобъемлющий характер кризиса общества и тяжелые разрушительные формы его протекания. СССР столкнулся со всеобъемлющим структурным кризисом, и последствия его могли быть катастрофическими. Сценарии некоторых диссидентских авторов, пророчивших массовую бойню, голод, одичание страны — всего лишь продолжение в будущее тех процессов, которые действительно развивались в конце 70-х — начале 80-х гг. Но для того, чтобы все «мины замедленного действия», заложенные под основание СССР, взорвались одновременно и привели к действительно катастрофическим последствиям, необходимо было выполнение двух условий: сохранение централизаторской стратегии правящей группировки (то есть синхронизация социальных процессов в стране) и подавление гражданской активности (условие накопления энергии низов для разрушительного бунта). По счастью, эти условия не были соблюдены. **Во-первых, в борьбе централизаторской и регионалистской альтернатив победила вторая. Во-вторых, КПСС не удалось сохранить за собой монополию на общественную жизнь, и в конце 80-х гг. на арену вышли гражданские движения, скорректировавшие ход событий. Эти два фактора также имели немало деструктивных последствий, но при их оценке необходимо**

ИМЕТЬ В ВИДУ, ЧТО НАБОР РЕАЛЬНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ ВКЛЮЧАЛ НЕ ТОЛЬКО ОПТИМУМ.